

У карты Тихого океана

(Информационно-аналитический
бюллетень № 5 (203))

Гилберт Розман

**Стратегические размышления о
российском Дальнем Востоке.**

Центр изучения международных отношений и проблем безопасности.
Отдел информационных технологий
ИИАЭ ДВО РАН

Гилберт Розман

Стратегические размышления о российском Дальнем Востоке.

Возрождающаяся Россия оценивает свое будущее в Северо-Восточной Азии.

(«Проблемы Посткоммунизма», 2008 январь/февраль, №1, выпуск 55, С 36-48)

Несмотря на пристальное внимание, которое уделяется сегодня в мире очередной попытке России поднять свои дальневосточные территории, в научных и популярных изданиях редко появляются глубокие аналитические статьи, посвященные этой проблеме. Причина проста: квалифицированных специалистов по региону – и по всей Северо-восточной Азии, и тем более по ее российской части – в мире немного. Поэтому столь пристальный интерес вызвала у нас последняя статья профессора Принстонского университета Г.Розмана.

Профессор Розман – один из немногих в мире специалистов, который одинаково хорошо знает и понимает ситуацию в Китае, Японии, на Корейском полуострове и Дальнем Востоке России. Достаточно сказать, что он владеет всеми четырьмя представленными здесь языками. Он автор таких известных книг, как «Япония и Россия: извилистый путь к нормализации, 1949-1999», «Несостоявшийся регионализм в Восточной Азии: взаимное недоверие в тени глобализации», «Стратегические размышления о Северокорейском ядерном кризисе: четыре стороны в тисках между США и КНР» и др. Не удивительно, что авторитет профессора Розмана в оценке восточно-азиатских дел исключительно высок.

Суждения Г.Розмана о перспективах развития Дальнего Востока, высказанные им в своей последней статье, кажутся мне весьма интересными и полезными для российских читателей, прежде всего тех, от кого в немалой степени зависит, по какому пути пойдет развитие Тихоокеанской России. Естественно, как и каждый исследователь, профессор Розман пристрастен и субъективен, прямо или косвенно отстаивает интересы страны, гражданином которой является. При этом он все же максимально беспристрастен и умеренно категоричен в своих оценках и выводах. Он искренне убежден, что будущее мира – в политике открытости, а не изоляционизма, в идеях регионального взаимодействия, а не конфронтации.

На нескольких ключевых моментах статьи Г.Розмана я хотел бы заострить внимание читателей.

Во-первых, он полагает, что сегодня существуют реальные возможности изменить облик и вектор развития российского Дальнего Востока, начав с придания мощного импульса развитию Владивостока. Для этого должен быть избран путь на максимальную открытость и сближение региона с Северо-восточной Азией.

Во-вторых, реализация курса на превращение Владивостока в локомотив развития Дальнего Востока возможна только при наличии воли, желания и руководящей роли центра, который должен «взять под свой контроль управление и краем, и городом». Успех или неудача с Владивостоком станут тестом на способность Москвы изменить облик всего Дальнего Востока и интегрироваться в АТР.

В-третьих, самую большую угрозу для реализации этого проекта (и как раз это обстоятельство заставляет Розмана серьезно сомневаться в выполнимости планов развития Владивостока и всего Дальнего Востока) представляет инерция мышления, унаследованная российской властью от СССР. Проявлениями такого мышления являются оперирование «грандиозными проектами», игнорирование экономических реалий в угоду политическим задачам, синдром «изоляциизма», когда Владивосток по-прежнему воспринимается не как «ворота», открытые в мир, а как форпост России на Востоке. И главная причина сомнений Розмана: в основе всех замыслов лежит не желание поднять Дальний Восток как часть российского государства, а стремление утвердить Россию в качестве самой мощной державы в АТР посредством развития экономики своих восточных владений.

Не со всеми суждениями профессора Розмана можно согласиться, но не принимать их во внимание нельзя. Тем более что автор доброжелательно относится и к России, и к ее стремлению интегрироваться в Восточную Азию. В любом случае, знакомство с его рассуждениями будет полезным. (Предисловие профессора В.Л. Ларина, директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН)

Гилберт Розман (*профессор социологии Принстонского университета, автор книги «Стратегические размышления о Северокорейском ядерном кризисе: четыре стороны зажаты между США и КНР»*)

«Стратегические размышления о российском Дальнем Востоке. Возрождающаяся Россия оценивает свое будущее в Северо-Восточной Азии» (Статья в журнале «Проблемы Посткоммунизма», №1, за январь/февраль 2008, вып. 55, С 36-48)

«Москва больше заинтересована в блокировании влияния США в Азии, чем в содействии региональной интеграции».

Возрождение России дает основание предполагать, что значимость Дальнего Востока, как ее удаленного придатка в США, в скором времени усилится. Многие годы эксперты считали российский Дальний Восток как кризисный регион, отталкиваясь от таких проблем как нестабильные экономические условия, коррумпированное правительство и проблемные взаимоотношения с Китаем, Японией и обеими странами Корейского полуострова. Во время правления Владимира Путина произошел прорыв экономики России, централизация власти заставила местные администрации и региональных губернаторов склониться в «почтительном поклоне» [перед Кремлем]; значительно возросла приграничная торговля, вся демагогия по поводу соседних стран была пресечена. Но все же перспективы российского Дальнего Востока остаются неясными.

Этот регион обладает тремя важными характеристиками, которые делают его достойным внимания. Здесь имеется огромное количество природных ресурсов, особенно энергетических, которые могут удовлетворить потребности бурно развивающихся экономик Восточной Азии, содействовать дальнейшему развитию промышленности и обеспечить основные жизненные потребности населения. В то же время в европейской части страны считают, что Россия является полноправным участником

процессов, происходящих в АТР и СВА, и наращивает свое геополитическое влияние в регионе. И, наконец, продолжительная береговая линия и река Амур в качестве естественной границы с Китаем, позволяют осуществлять кросс-граничное взаимодействие, являющееся важным компонентом двусторонних отношений, что может стать ключевым моментом в попытках создания инфраструктуры, способной дать старт процессу интеграции в Северо-Восточной Азии.

В 2007 г. наметились три решения, потенциально способные изменить облик юго-восточного «угла» российского Дальнего Востока. Хотя бы одно из них может быть реализовано в зонах вокруг Владивостока и Хабаровска. Во-первых, в декабре 2006 г. Москва предпочла Владивосток в качестве приоритетного объекта Программы развития Дальнего Востока (детали которой не совсем ясны) и места проведения саммита АТЭС 2012. Во-вторых, Москва выбрала морские терминалы, расположенные вблизи Владивостока, в качестве конечного пункта нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан. В-третьих, в Пекине проходят шестисторонние переговоры, а также функционируют пять рабочих групп, отвечающих за различные аспекты оказания помощи КНДР и поддержание региональной безопасности, в связи с чем могут возникнуть транспортные и энергетические коридоры Север–Юг, проходящие через Корейский полуостров. Владивосток, расположенный в продолжении этого маршрута, может стать «воротами» для Корейского полуострова, так как Россия позиционирует себя в качестве «особого партнера» Северной Кореи. Принимая во внимание неудачи в реализации надежд и планов по развитию Дальнего Востока, характерные для периода после окончания «холодной войны», возможность осуществления этих проектов вызывает сомнения. Тем не менее энтузиазм, с которым продвигаются данные проекты, способен заполнить вакуум, образовавшийся в регионе после развала СССР, воспользовавшись чем Москва могла бы усилить свое влияние в СВА.

Владивосток – локомотив развития российского Дальнего Востока?

Может показаться, что долгожданное возрождение Дальнего Востока уже началось с Сахалина, где для финансирования нефтяных и газовых проектов привлечены огромные иностранные инвестиции, которые сейчас контролируются правительством России. Растут доходы Хабаровского края, через который перекачивается часть энергоресурсов и где поддерживается политическая стабильность. Однако, как считает большинство аналитиков, подлинным тестом на реальность возрождения юго-восточного угла Дальнего Востока станут процессы, происходящие вокруг Владивостока. В то время как иррациональная политика развития обрекла население Дальнего Востока на жизнь в холодных и негостеприимных районах, не имеющих будущего в условиях рыночной конкуренции. В то время как 90% территории Дальнего Востока чахнет под тяжестью «сибирского проклятия», географическое положение его юго-восточной части благоприятствует тому, чтобы она стала, как минимум, центром развития с помощью транзита энергии и приграничных связей. Безусловно, и другие районы Дальнего Востока извлекают выгоду из транспортных перевозок, удовлетворяя потребности зарубежья в сырье, но шансов возникновения там индустриальных центров практически нет. Надежды возлагаются преимущественно на Владивосток, который будучи морскими воротами в Корею, Японию и Китай, является опорным пунктом в треугольнике Владивосток – Хабаровск – Южно-Сахалинск и передовым форпостом российской экспансии на северо-восток.

Многие аналитики утверждают, что нынешнее состояние Дальнего Востока угрожает национальной безопасности России. Население региона сокращается. Экономические связи с остальной российской экономикой незначительны. Протяженная граница плохо контролируется. Местные администрации имеют слабые экономические и политические связи друг с другом. После развала Советского Союза в этом отношении ничего не

изменилось. Более того, продолжался спад промышленного производства и, как следствие – потеря рынков за рубежом. Признаки оптимизма появились в 2007 г., и главным его источником стала надежда на Президента Путина как спасителя Владивостока. Во время своего второго срока президентства Путин предложил внести Владивосток как приоритетный проект. Полпред в ДВФО Камиль Исхаков выдвинул идею создать государственную комиссию по Дальнему Востоку под прямым контролем премьер-министра, и она была поддержана в декабре 2006 г. на заседании Совета Безопасности РФ. Председатель Совета Федерации С. Миронов внес предложение отменить в регионе все налоги. Кроме того, сам Путин признал, что реальный потенциал региона не реализуется, и призвал местные, региональные и федеральные администрации к более тесному сотрудничеству. Надеясь на полную поддержку Путина, губернатор Приморского края С. Дарькин предложил превратить управляемую им территорию с центром во Владивостоке в локомотив развития того, что он назвал Тихоокеанской Россией.

На обширной территории Российского Дальнего Востока и Сибири нет города с большим потенциалом для развития, чем Владивосток. Он входит в комплекс морских портов региона, является воротами в динамично развивающиеся прибрежные страны и поэтому закономерно оказался в центре дискуссий относительно интеграции России в АТР. Город был открыт миру в 1992 г., но ни децентрализация 90-х, ни централизация 2000-х годов не дали ему компетентных органов управления. В регионе продолжается борьба за сферы влияния, коррупция подрывает его силы, все это отпугивает потенциальных инвесторов и препятствует развитию бизнеса. Посетителей города впечатляют не прекрасные виды бухты Золотой Рог, а хаос в его плохо организованной дорожной сети и инфраструктуре.

Путин способен придать новое направление развитию Владивостока. Саммит АТЭС 2012 г. будет проходить в России. Для страны, чтобы продемонстрировать свое присутствие на Востоке, самым очевидным местом проведения саммита является Владивосток, а не Санкт-Петербург, который

позиционируется как «окно на запад». Так как город вообще не готов к проведению подобных мероприятий – отсутствуют пятизвездочные гостиницы, нет транспортной инфраструктуры, мало достопримечательностей – в июле 2007 г. было объявлено, что на развитие Владивостока будет выделено 3,9 млрд. дол. Данные средства пойдут в том числе и на ускоренное выведение Русского острова из под контроля военных для передачи его под строительство рекреационной зоны (с парком развлечений, кинотеатром и т.д.), которая будет связана мостом с центром города. Срочная программа такого рода, похоже, может быть реализована только в том случае, если Центральные власти возьмут под свой контроль управление и краем, и городом (кстати, мэр Владивостока в 2007 г. был заключен под стражу) и если введут в дело представителей со стороны с полномочиями вычистить «дикий Восток».

Существует несколько спекуляций на предмет того, что после ухода с поста президента Путин возьмет Владивосток под свою личную опеку и будет развивать город как «окно на восток» по аналогии с тем, как Петр Великий основал Санкт-Петербург и обеспечил России выход на Запад. Исполняя обязанности премьер-министра при своем преемнике Медведеве, Путин убедит всех в мысли, что Россия действительно смотрит в двух направлениях. Заметна параллель между проведенным в июле 2007 г. экономическим конгрессом в Санкт-Петербурге и подобным конгрессом, организованным в том же июле во Владивостоке, где обсуждались вопросы нефтяного и газового экспорта и заслушивался доклад о подготовке к Саммиту АТЭС.

Надежды региона связаны с «Программой экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года». Наиболее многообещающими направлениями развития наравне с энергетической сферой в программе обозначены обработка и транспортные перевозки. Под обработкой подразумевается переориентация сырьевого экспорта на переработку леса, морепродуктов и изделий из металла. Для

решения этих задач сторонники развития региона делают ставку на масштабное государственное инвестирование в соответствующую инфраструктуру, дешевую энергию посредством поставки ее через государственные трубопроводы и другие проекты, призывают оказать политическое давление на Китай, чтобы тот не только воздержался от переработки российского сырья на своей стороне границы, но и стал вкладывать средства в российское производство. Многие русские увязывают потерю государственного контроля в процессе децентрализации, приватизации, а также увеличение числа олигархов в первой половине 90-х годов с провалом в капитализации природных ресурсов, которые могли бы стать основой для возрождения российского ДВ. Сегодня они заявляют, что поскольку государственный контроль восстановлен, достижимой становится идея новой стратегии развития: создаваемая при государственной поддержке инфраструктура и дешевые энергоресурсы привлекут в регион рабочие руки, цены понизятся, а это в свою очередь будет способствовать промышленному буму.

Оптимистический тон был подхвачен газетой «Владивосток», где в одной из статей от 15 февраля 2007 г. говорится о «великом будущем» южной части Приморского края, в качестве приоритетной территории российского ДВ, пользующейся особым вниманием Путина. Как отмечает газета, Совет Безопасности принял принципиальное решение о проведении саммита АТЭС на острове Русский, и этому должно предшествовать обширное строительство экономики и инфраструктуры. 14 февраля губернатор Приморского края С. Дарькин созвал пресс-конференцию, где представил свои планы развития региона, называемого им Тихоокеанской Россией, до 2020 года. Эти планы изложены в его новой книге, затрагивающей вопросы стратегии, экономики и безопасности. Предвосхищая начало возведения моста на о.Русский в 2007 г. (ныне перенесено на 2008 год) и строительство нефтяных терминалов вблизи Находки, как будто решения по этим вопросам уже были приняты, газета во

всех красках расписывает «мега-проект» развития южного Приморья, зоны, которая давно представляется как Большой Владивосток. Дарькинский план развития Приморского края до 2020 года (его просматривал Путин во время визита) предполагает 750%-ный рост экономики края. Численность населения возрастет на 50% и достигнет 3,5 миллионов, на территории края будут функционировать АЭС, алюминиевые заводы, нефтехимическое производство; а в новом Тихоокеанском федеральном университете будут обучаться 100 тыс. студентов.

С.Дарькин настаивал на том, что все эти проекты вполне осуществимы. Губернатор «нежится» в свете того, что Путин рассматривает Владивосток в качестве стратегического пункта развития, откуда может стимулироваться процветание региона (наряду с Петербургом, Калининградом и Сочи). Для Владивостока не только престижно входить в список этих городов, но и с учетом строительства нефтяных терминалов, саммита АТЭС и пятилетнего плана регионального развития, к 2013 г. вся инфраструктура города может быть переделана на уровне мировых стандартов.

Однако бывший министр экономического развития Герман Греф, отвечавший за подобные проекты, известен тем, что относился к Владивостоку с недоверием и считал этот город слишком коррумпированным для долгосрочных федеральных инвестиций. В конце 2006 г. Греф совершил неофициальный визит с целью выяснить, способен ли Владивосток принять у себя участников Саммита. Как известно он интересовался, почему Федеральное правительство должно оплачивать основные городские нужды, которые должны быть обеспечены на местах и при этом добавлял: «Я не несу ответственности за проблемы города». В одной из газет прошла информация, что в отличие от Хабаровского края, который со времен развала СССР полностью контролируется губернатором Ишаевым, в Приморском крае до сих пор нет порядка, и ситуация не улучшится после избрания Владивостока местом проведения АТЭС 2012 и огромных денежных вливаний. В газете также говорится, что частично

проблема заключается в местной бизнес элите, возникшей из административных органов и не внушающей доверия и уважения. Мэр Владивостока Владимир Николаев и его приспешники проявляли такую алчность, что разогнали всех инвесторов и не желали иметь дело с московскими кланами, чтобы не делить прибыль. Попытки С.Дарькина укрепить вертикаль власти натолкнулись на препятствие в лице Николаева: ранее поддерживаемый губернатором, сейчас он оказался не у дел. Арест и заключение в тюрьму мэра все же не обеспечили Дарькину полный контроль над регионом. Более того, ввиду повышенного внимания московских кланов к острову Русский, ему пришлось присматривать себе место в новой иерархической системе, где свое место уже занял новый полпред президента в ДВФО Олег Сафонов.

Попытка Москвы установить контроль над Дальним Востоком сказалась на простых гражданах, которые не могут свести концы с концами, и крупных предпринимателях, перенаправивших свои прибыли и доходы. В 2006 г. визовые ограничения затронули так называемых челноков, им разрешалось выезжать в Китай один раз в месяц и ввозить в Россию 50 кг товара. Затем предпринимались новые попытки запретить ввоз автомобилей с правым рулем, данное решение поддерживали компании, базирующиеся в Москве. В 2007 г. было ограничено количество иностранных продавцов на российских рынках, что имело негативные последствия как для китайских торговцев, так и для русских покупателей. Также в 2007 г. был ограничен импорт морепродуктов для незарегистрированных компаний, что привело к полному доминированию одной организации. Кроме того, были подготовлены новые федеральные законы, направленные на ликвидацию рынков под открытым небом. Все эти действия, хотя и призваны бороться с коррупцией, приводят к государственному экономическому доминированию, которое достигается путем монополизации и централизации ответственных учреждений, в результате чего повышаются цены и сокращается выбор товаров.

Пока Москва предпринимала определенные действия, местные власти занимались своими делами. Так, С. Дарькин ясно дал понять, что в сфере его интересов находится контроль также над иностранной рабочей силой, иностранцы не допускаются к работе без официального запроса и установления зарплаты, равной оплате труда российского рабочего.

Приморский край сочетает в себе депрессивную экономику, зависящую от помощи Москвы, и новую развивающуюся экономику, которая, даже при нехватке производственных мощностей, потерянных в 90-е годы, может возродиться благодаря преобразовательным проектам. Есть одно противоречие, заключающееся в экологических последствиях реализации этих планов и намерении превратить данную территорию в самое идиллическое место на ДВ, благоприятное для экологического туризма. В то время как Уссурийск претендует на строительство угольного терминала, чтобы увеличить поставки в Японию, Корею, Китай, где наблюдается бум сталелитейной промышленности, горожане опасаются ущерба, который может быть причинен этим объектом. А жители Большого Камня уже проводили акции протеста против работающего с радиоактивными отходами завода Звезда. Кроме того, среди местного населения распространено мнение, что улучшения в социальной сфере практически не заметны (большая часть жителей региона живет за чертой бедности или близко к ней), и что новые проекты принесут реальную выгоду только малочисленной элите. Вера в правительство не высока.

Кто станет у руля возрождения Владивостока и кому это принесет пользу? Многие горожане полагают, что Москва сдерживает развитие региона. Но так как план по изменению ситуации принят, то стали говорить о необходимости вертикального контроля, исходящего из центрального правительства и московских бизнес-кланов. Некоторые изменения наметились, когда Путин перевел губернатора Приморского края Наздратенко в Москву, но борьба между интересами бизнеса и администрацией продолжилась. Если бы Дарькина перевели подобным же

образом, сделав ему «предложение, от которого он бы не смог отказаться», то произошло бы дальнейшее укрепление вертикали власти. Из Москвы же ситуация выглядит в другом свете: именно местная коррупция и плохое управление замедляют развитие региона, и единственным решением проблемы является вертикальный контроль.

Близость границ играет на руку проектам развития Владивостока, но мышление закрытости еще не исчезло. Обсуждалось создание СЭЗ вдоль китайско-российской границы, включая Суйфэньхэ – Пограничный и Хуньчунь – Хасан. Торговля провинции Цзилинь с Россией за несколько лет значительно выросла по таким направлениям, как пиломатериалы, стройматериалы, продовольствие и текстиль. Однако русские склонны искать недостатки во всем, что происходит, и блокируют создание этих зон. Китайский город Суйфэньхэ (130 тыс. населения) процветает, принимая более 500 тыс. российских туристов и тех, кто приезжает сделать покупки. Это не только торговая Мекка (существуют планы построить русский квартал со школами, театрами, больницами и другими учреждениями), он привлекает население близлежащего Владивостока и других территорий низкими ценами на услуги и качественные товары, обнажая яркий контраст между конкурентоспособными рыночными механизмами на китайской территории и директивными методами управления в России. Проект губернатора Дарькина в сотрудничестве с провинцией Хэйлуцзян (приграничный торговый комплекс Суйфэньхэ-Пограничный, включая строительство пятизвездочного отеля на китайской стороне) начал подходить к завершению к середине 2006 г., однако Москва в последний момент пошла на попятную, опасаясь нелегальной китайской миграции. Вместо того чтобы разрешить и китайцам, и русским въезжать в зону без оформления виз, Москва настаивала на равных административных ограничениях, считая, что россияне, посещая Суйфэньхэ, должны выполнять требования, которые установлены для посещения других китайских территорий. В очередной раз

китайцы поверили и понесли финансовые потери от строительства дорогостоящей инфраструктуры.

Существует множество причин сомневаться в будущем Владивостока. Всё замыкается на одном человеке, который решил вложить огромные суммы денег в проекты, предложенные городскими властями, но не имеет связи с институциональными изменениями, основанными на четком административном управлении, рыночной экономике и доверии между региональными и международными бизнес-кругами. Наводнение московской казны нефтедолларами возродило типичное для советской эпохи мышление «грандиозными проектами». В то время как пустые призывы посвящены необходимости интеграции с Северо-Восточной Азией и борьбе с преступностью и бюрократией, предлагаемые проекты только обостряют эти проблемы. Благодаря своему выгодному расположению Владивосток, возможно, когда-нибудь станет отправной точкой для региональной интеграции России, и тогда преимущества, которыми он обладает, смогут привести к положительному результату. Обещание привлечь московский капитал и инвесторов остается в силе. Однако недостаток стратегического мышления на протяжении всей 150-летней истории города, включая последние 15 лет, и непрекращающаяся борьба за обладание собственностью говорят о том, что новая волна оптимизма не подкрепляется реальными планами преодоления серьезных проблем.

Развитие, транзит и интеграция

Более ста лет назад Россия столкнулась с проблемой сообщения Западной Сибири с Владивостоком по двум направлениям: прямое сообщение через Харбин или обходной путь, огибающий горные хребты Хэйлунцзяна. Решение было принято, исходя из оценки взаимоотношений с Японией, Кореей и Китаем, и явилось своего рода проверкой того, останется ли Россия в стороне или присоединится к региональной интеграции.

Поэтапно Россия отдалялась от интеграции, а с насильственным выселением корейских и китайских жителей Дальнего Востока регион мог участвовать только во внутренней российской интеграции. В 1990-х годах трансграничное сотрудничество расширялось, но не было упорядочено. Москва остерегалась попыток Японии экономически интегрировать Сахалинскую область в систему внутренней торговли и транспортного сообщения. Она препятствовала развитию отношений Южной Кореи с российским Дальним Востоком (пытаясь строить их с оглядкой на взаимоотношения с Северной Кореей) и отвергла все варианты Китая по открытию транспортного коридора к морю как по р. Туманган, так и по сухопутному маршруту до Владивостока. В итоге и Россия и ее соседи не получили никаких дивидендов. Жители Северо-Восточного Китая не имеют выхода к морю, кроме как через Далянь. Жители Хасанского района Приморского края полагают, что японские инвесторы готовы вложить деньги в инфраструктуру района, а южнокорейские бизнесмены создадут новые рабочие места. Опасаясь этого, Россия заблокировала все попытки к созданию более эффективных иностранных коммерческих потоков, от которых выиграли бы все стороны.

Если в середине 1990-х годов Россия начинала искать только пути сближения с дипломатией Северо-Восточной Азии, а в начале 2000-х годов старалась использовать больше рычагов влияния, чтобы действовать на равных с Южной Кореей и даже Японией, то при Путине ее аппетиты возросли. Уже в 2002-2003 годов Путин предупредил об угрозе национальной безопасности на Дальнем Востоке из-за неэффективной пограничной и таможенной политики. Благодаря своим энергетическим возможностям, возрожденной военной мощи, отношениям с Северной Кореей и новой агрессивной внешней политике Москва, очевидно, стремится к возвращению во времена стратегического треугольника, что, возможно, и не будет означать ее возрождение в качестве сверхдержавы, но, по крайней мере, позволит играть на равных в регионе с Китаем и США. Вновь

обретенная уверенность России меняет её стратегическое мышление относительно Северо-Восточной Азии. Однако укрепление российского влияния не будет способствовать трансграничной интеграции.

Развитие. В эпоху Брежнева огромные суммы инвестиций вливались в российский Дальний Восток, чтобы стимулировать рост населения и мобилизацию ресурсов, однако цена этих капиталовложений была неприемлемой. Если не считать сахалинские нефтяные и газовые проекты, с 1990 по 2006 гг. в регион поступил небольшой объем инвестиций, к тому же была вложена только часть обещанных средств, что привело к быстрому оттоку населения и экономическому кризису, хотя ситуация стала более стабильной благодаря генерирующему эффекту подъема экономики России при Путине. Экспорт в близлежащие районы Азии также дал некоторый позитивный эффект, хотя большая часть доходов была получена от транзита продукции из Сибири. Замедление упадка в регионе нельзя отождествлять с реализацией стратегии экономического роста. Возрождающиеся националистические силы в Москве выступают против вывоза сырья за границу, что до сих пор приносит огромные доходы зарубежным переработчикам. В планах путинской администрации делается упор на развитие национальной добывающей и перерабатывающей отраслей. При этом неясно, согласятся ли с этим зарубежные партнеры.

Транзит. Основные надежды на восстановление экономики связаны с транзитной составляющей, посредством которой обслуживается ненасытный азиатский рынок, особенно нефтью и газом. Федеральный бюджет, крупные московские и иностранные компании могли бы финансировать производство и сбыт продукции, однако непонятно, отразится ли это на благосостоянии местного населения. Если государство решит вложить инвестиции в развитие транзитного коридора и индустриальной зоны вблизи Владивостока, создав необходимую инфраструктуру, то программа, предложенная в декабре 2006

г. и формально одобренная в августе 2007 г., принесет выгоду только небольшой части населения. В том случае если получаемые финансовые выгоды будут способствовать улучшению социальных условий, то это, возможно, даже увеличит рост населения. Не исключено, что большая часть населения региона окажется не у дел, в то время как иностранная рабочая сила станет альтернативой для обеспечения реализации проектов. С высокими ценами, малоёмким рынком, дорогими и малоэффективными трудовыми ресурсами, а также совсем не дешевой электроэнергией Россия обеспечит всестороннее процветание данной части страны. Но она может разрабатывать значительную долю национальных ресурсов посредством реализации отдельных проектов и развития транзитной инфраструктуры. После распада Советского Союза осуществление национальных проектов возобновилось. Так планируется соединить Хабаровск с Комсомольском-на-Амуре новым газопроводом, продолжить строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ), что приблизит Якутск и другие материковые районы. В 2006 г. при Путине был дан новый толчок развитию транспортных линий, энергетических проектов и промышленных парков, что говорит о «начале эпохи развития».

Контрасты по ту сторону российско-китайской границы, не говоря уже о российско-японской границе, поразительны. У местных властей мало возможностей влиять на Федеральный центр. У них нет полномочий для принятия собственных решений, и остается лишь нулевая поддержка в виде небольших кредитов или фондов для развития инфраструктуры. Они зажаты между равнодушием Москвы, которая оживляется только тогда, когда администрирование может привлечь больше местных средств в центр, и несправедливым поведением Китая, который выкачивает огромные деньги, используя российские природные ресурсы или вкладывая инвестиции в их переработку на своей стороне. Балансируя между авантюрами Москвы и узкими интересами местных кланов, власти региона с одной стороны стремятся получить финансирование из центра, с другой требуют от Москвы

надавить на китайцев, чтобы те вкладывали инвестиции в перерабатывающую промышленность.

Переговоры на официальных двусторонних встречах оказали стимулирующий эффект, но столкнулись с препятствиями во взглядах различных финансовых группировок. Когда, например, китайцы планируют вложить инвестиции в переработку древесины на лесопильных или мебельных заводах, они настаивают на том, чтобы там трудились китайские рабочие. Это неприемлемо для российской стороны. Подобная ситуация возникает, когда обсуждаются инвестиции в газовые месторождения, в производство и транзит электроэнергии. Китай упорно настаивает на том, что цены должны быть близкими к внутрироссийским и долгосрочными, что вызывает гнев России. Несмотря на увеличение объема торговли, повышением цен на энергоносители и другие природные ресурсы нет уверенности в том, что обе стороны договорятся о совместной стратегии, при которой объем торговли достигнет 80 млрд. дол.

Интеграция. Свидетельством провала попыток развивать регулярные приграничные связи является план по строительству моста через р. Амур между городами-побратимами Хэйхэ и Благовещенск, который одобрили правительства двух стран в 1995 г. В мае 2007 г. еще одно соглашение по ускорению реализации проекта было достигнуто в Москве. Китайцы в очередной раз предложили конкретную дату начала строительства, однако российская сторона опять сорвала планы. Политика сдерживания китайских действий на границе сохраняется, несмотря на то, что русские из далекого Владивостока покупают дешевые квартиры для пенсионеров в *Хэйхэ(?)* и других приграничных городах. Жилье на китайской стороне намного дешевле, его можно взять в кредит, к тому же вложение инвестиций в Китае менее рискованно. Наличие визы позволяет приобрести участок земли для проживания или коммерческой деятельности. Русские защищают свою сторону границы на основе устаревшей идеологии изоляционизма, в то время

как китайцы продолжают идти на контакт или, по крайней мере, приветствуют россиян на своей стороне не только для коммерческих целей, но и проживания.

Россия хочет добиться большей интеграции на своей стороне границы. В 2004 г. начал работать проект по строительству первой автомагистрали, напрямую соединяющей Сибирь и российский Дальний Восток. Ожидается, что вскоре он свяжет все пункты «южного кольца», включая отрезок между Хабаровском и Владивостоком длиной 756 км (470 миль), а также между Читой и Хабаровском длиной 2097 км (1300 миль). Это могло бы стать важным механизмом в формировании общей идентичности на территории, которая продолжает функционировать как система обособленных, несвязанных административных регионов, утратив в 90-х годах даже видимость активного регионального сотрудничества на Дальнем Востоке. Владивосток может стать конечным пунктом автомагистрали, а в эпоху процветающей морской торговли превратиться в связующее звено между внутренними районами России и побережьем Азии.

В книге С. Дарькина «Тихоокеанская Россия», выпущенной в 2007 г., говорится о том, почему Москве следует выбрать Приморский край и концепцию «Тихоокеанской России» в качестве приоритета новой национальной стратегии. В ней пишется, что на Россию оказывают давление многочисленные факторы: (1) американская стратегия по вытеснению России с Персидского залива, из Центральной Азии и российского Дальнего Востока; (2) экономическое и демографическое давление со стороны Китая; (3) провал политики, направленной на надлежащее использование Россией своих природных ресурсов вместо продажи их другим странам. Ситуация не улучшается – Россия столкнулась с катастрофическим снижением экспорта промышленной продукции в Китай: 90% ее экспорта сейчас составляет сырье. Это до сих пор удерживает российский Дальний Восток в кризисном состоянии; он получает слишком мало за свои ресурсы, и в то же время

Москва не дает ничего взамен, особенно в области инфраструктуры, для продвижения национальной «евроазиатской» миссии, хотя регион находится на пороге «геополитического ренессанса».

С. Дарькин делает упор на проблемах безопасности, увязывая их с геополитикой и глобальной экономикой. Он утверждает, что проблемы, возникающие от катастрофического ослабления Российского государства, могут быть решены путем усиления страны, которая станет «мировым стабилизатором» в условиях дефицита природных ресурсов, и настаивает на стратегии изменения регионального разделения труда. Сделав Владивосток зоной национальных приоритетов, Россия могла бы участвовать в мировой интеграции не как поставщик энергоресурсов и сырья, а как равноправный партнер. Данный сценарий возможно осуществить через развитие индустриального комплекса с использованием российских ресурсов и квалифицированной рабочей силы, что позволит экспортировать конечную продукцию в другие страны. Дарькин не учитывает серьезных опасения, связанных с тем, что централизованная экономика, коррупция и неквалифицированная рабочая сила на Дальнем Востоке России вряд ли позволят осуществить любую из поставленных задач. Вместо этого он полагает, что транзитные линии дадут толчок к развитию индустриальных парков, что в свою очередь обеспечит влияние страны в регионе через капитализацию огромных природных ресурсов. Его мышление идет в фарватере популярных в Москве идей о том, как усилить российское влияние в Азии и в мире. Если на достижение этих целей будут направлены значительные ресурсы то, возможно, что-то и реализуется, однако экономического эффекта иметь не будет.

Шестисторонние переговоры и государственная власть.

С учетом того фактора, что в мире увеличивается число конфликтов, в основе которых заложена не война с терроризмом, а борьба с американским

гегемонизмом, зараженным «комплексом победителя» в «холодной войне», и идеологией, которая упрощает серьезные проблемы до уровня вопросов «борьбы добра со злом», Россия отворачивается от Запада, чтобы нанести встречный удар США и повысить свой собственный авторитет на международной арене. Восстановив полный государственный контроль к середине второго президентского срока Путина, Россия обратила внимание на политику в восточном направлении. Выработав «новую восточную политику», Москва увеличила поставки в регион энергоносителей для того, чтобы Центр мог контролировать их, а также чтобы сбалансировать отношения с Китаем.

Третья компонента этой «восточной политики» обязывает Россию играть более активную и независимую роль в урегулировании ядерного кризиса в Северной Корее. В марте 2006 г. Путин отправился в Китай, возглавив делегацию, состоящую из 1500 человек, чтобы поддержать экономическое сотрудничество как фактор двусторонних отношений. В июле и октябре он присоединился к критике ядерных испытаний и ракетных запусков, однако сделал упор на гарантиях безопасности Северной Кореи, не обращая внимания на сам кризис.

С изменением позиции США на двусторонних переговорах с Северной Кореей в конце 2006 г., Россия начала более активно устанавливать свои собственные контакты. Москва сначала раздражала Север в первом раунде переговоров, поддерживая США, затем пассивно шла в фарватере с Китаем на следующих раундах, и, наконец, показала минимальную озабоченность по поводу ракетных запусков и ядерных испытаний в КНДР в 2006 г. Таким образом, она расширила пространство для дипломатических маневров по взаимодействию с Северной Кореей. В 2007 г. возобновились переговоры по восстановлению железнодорожного сообщения между Владивостоком и Раджином с целью соединения Транссибирской и Транскорейской железных дорог в евразийскую магистраль, хотя иностранные наблюдатели предполагают, что эффективным коридором станет путь через Северо-

Восточный Китай к Транссибирской магистрали в обход российского Дальнего Востока.

Визит Президента РФ Путина в Пхеньян в 2000 г. обозначил новую стратегию участия Москвы в расстановке сил. На встрече с премьер-министром Японии Дзюньитиро Коидзуми в 2003 г. Путин использовал энергетический шантаж в качестве рычага влияния России в Северо-Восточной Азии. В 2004 г. стремление Президента РФ развивать стратегическое партнерство с Китаем, компромисс в отношении территориальных споров и активизировавшиеся экономические отношения показали намерение добиться стратегического влияния в регионе с помощью Китая. Наконец, в 2005–2007 гг. крепнущая решимость Путина противостоять США привела к попыткам использовать государственный контроль над энергоносителями как элемент воздействия. К этому добавилось стремление разыграть ядерную карту КНДР в качестве изменения регионального баланса. Если в июле 2006 г. во Владивостоке и возникло легкое чувство тревоги, когда КНДР произвела пуски ракет, которые упали в акваторию Японского моря, угрожая дестабилизировать обстановку в регионе, то его быстро развеяла Москва. Ответ России на неприятно близкие ядерные испытания КНДР был неопределенным. Она переложила ответственность на США и сконцентрировала внимание на необходимости возобновления шестисторонних переговоров. Позиция России заключалась в необходимости уважения КНДР и критике Соединенных Штатов за затягивание и нежелание принимать решения в пользу КНДР. В дальнейшем Путин перестал видеть в лице Японии серьезного политического партнера. Он перенес приоритеты с Южной Кореи, которая долгое время рассматривалась как держава средней величины, отдающая предпочтение регионализации и обещающая экономическое сотрудничество, на «тихое» признание значимости Севера как средства изменения баланса сил в АТР.

Власти Приморского края и местные корейцы предложили рассматривать Владивосток как возможное место встречи руководителей РК

и КНДР. С учетом этого они стали развивать связи с Пхеньяном и приветствовали делегации и финансирование из Сеула. Подтверждением могут служить взаимные обмены между Дальневосточным государственным университетом (ДВГУ) и Университетом им. Ким Ир Сена, которые начались в 2003 г.. В результате ДВГУ стал местом встречи ректоров Университета им. Ким Ир Сена и Сеульского государственного университета. Несмотря на это, в Южной Корее сложилось представление о Дальнем Востоке как о неприветливом месте. Между приморским портом Зарубино и южнокорейским Сокчо действует паромная линия, которая используется российские рабочие, отправляющимися в Южную Корею на заработки, зачастую даже по краткосрочным трудовым разрешениям, и южные корейцы, имеющие возможность напрямую и недорого ездить к горе Пэктусан, священному месту, где согласно традиционным поверьям похоронен прародитель их нации. С угнетающим бюрократизмом на границе с российской стороны пассажиры вынуждены проходить таможенный контроль дважды во Владивостоке и Зарубино. В этой связи «Российская газета» напечатала статью, в которой отмечалось, что так как путешествовать через Китай намного комфортней, то не придется ли закрыть данный маршрут в своей собственной стране.

Вместо того, чтобы убедить дальневосточников присоединиться к глобализации, поощрять иностранные инвестиции и идею о многонациональном населении, Москва пытается уверить их в могуществе Российского государства, как силе, способной противостоять глобальным и региональным угрозам извне. Подобная точка зрения говорит о том, что возможность Владивостока стать городом мирового значения не велика.

В 2006–2007 гг. в планах Путина приоритетным вектором развития России стало тихоокеанское направление. Однако он не дал четких разъяснений, как это можно осуществить. В отличие от предыдущих попыток спасти российский Дальний Восток от экономического кризиса или подчинения соседними странами, на этот раз целью стало утвердить Россию

в АТР в качестве самой мощной державы. Была выбрана одна окраина дальневосточного региона в качестве платформы для экономического возрождения, что позволит заявить о российском влиянии. Хотя многие наблюдатели предостерегают, что насущной проблемой является превращение Китая в доминирующую региональную державу, в России до сих пор преобладает мнение, что главной угрозой российским интересам являются США и ее союзник Япония. Ситуация постоянно меняется, так как в США в отличие от других регионов баланс между великими державами возможен. До тех пор, пока Россия не определит восточный вектор своей политики и шестисторонние переговоры не прояснят военно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Азии, возможны различные варианты изменения обстановки. Возрастающее энергетическое богатство открывает новые возможности для России, но ее недоверие к мировому и региональному сообществу ограничивает пути использования этих ресурсов.

Заключение

В условиях российской политической системы обязательство Президента Путина могло бы содействовать модернизации и интеграции Владивостока в региональное развитие Северо-Восточной Азии. Генеральный секретарь Михаил Горбачев в 1986 г. произнес речь во Владивостоке, в которой обещал изменить подход к региону, но его намерение открыть город встретило сопротивление военной оппозиции. Президент Борис Ельцин искал пути смещения с поста губернатора Наздратенко и возможности противодействия местной коррупции и игнорированию центральной власти, однако эти попытки не имели успеха. Если бы Путину и его преемнику Медведеву, наконец, удалось сломить противостояние оппозиции по вопросу о превращении Владивостока в приоритетный проект развития, последствия все равно были бы непредсказуемы. Даже если Владивосток получит все преимущества в

качестве места проведения форума АТЭС, сможет извлечь выгоду из строительства конечного терминала трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» в Находке и выиграет от реализации экономических планов, принятых на шестисторонних переговорах, все стратегические планы по поводу дальнейшего развития Владивостока и, в целом, Дальнего Востока, вероятно, не будут реализованы, по крайней мере, по трем причинам:

Основные условия. Во-первых, государственная и местная политика, а также социальные институты должны основываться на базовых требованиях, необходимых для дорогостоящего возрождения, а этого нет. Многие наблюдатели считают, что во Владивостоке преступность действует слишком вызывающе, ксенофобия слишком сильна, а предприимчивость и трудолюбие на рабочем месте – слишком редкие явления, чтобы город вышел из депрессивного состояния даже при поддержке и руководстве Москвы. Вряд ли можно ожидать, что подавленные способности и инициатива внезапно появятся и пойдут на развитие города, особенно в системе, которая построена по принципу многоступенчатого нисходящего управления и в которой появляются все новые и новые уровни. У России может оказаться достаточно ресурсов, чтобы спонсировать амбициозные планы по превращению одного города в демонстрационный образец своих возможностей, но подобные действия не станут общей моделью или стимулом для развития.

Вторая волна индустриализации. Во-вторых, повторная индустриализация Дальнего Востока, даже если сосредоточиться в основном на Владивостоке и прилегающих территориях, является сомнительным мероприятием, напоминающим малоэффективные проекты прошлого. Крупные энергоемкие заводы могут выиграть от строительства нового трубопровода, что уменьшит стоимость газа и нефти; однако дорогостоящая рабочая сила в регионе и международная конкуренция со стороны КНР и

других стран СВА не позволяют сделать положительные прогнозы для производств, открытых к мировой конкуренции в рамках ВТО, к тому же Дальний Восток слишком удален от европейской части России, чтобы быть конкурентоспособным на российском рынке. Экономика, регулируемая государством, и все, что находится под государственным контролем, не готовы к тому, чтобы соответствовать рыночным механизмам.

Форпост или «ворота». В-третьих, удаленность Владивостока от процессов глобализации и регионализации в СВА грозит превратить его в форпост России, а не в «ворота», открытые миру. Политика, направленная на извлечение выгоды из северокорейской агрессивности, и пренебрежение к Южной Корее и Японии вряд ли позволит интегрироваться в развитый регион. Давление на Китай посредством «экономической дипломатии», политизирующей инвестиционное и торгово-экономическое сотрудничество, негативно сказывается на открытии границы для рыночных механизмов. Представление о том, что американская гегемония угрожает российскому Дальнему Востоку даже после Совместного заявления от февраля 2007 г., является навязчивой идеей, перечеркивающей конструктивное будущее для Владивостока. Даже если Путин или Медведев примут решения, которые дадут надежду городу стать приоритетным проектом в России, международная обстановка будет играть явно не в пользу Владивостока.

Если Владивосток станет окном России на Восток, то с учетом политических и экономических сил, меняющих СВА, это будет лишь началом пути.